

Единожды солгав...

«Посейте поступок - и вы пожнете привычку, посеите привычку - и вы пожнете характер, посеите характер - и вы пожнете судьбу».

Уильям Теккерей

Когда мы только начинаем свою жизнь, перед нами стоит неограниченный выбор путей. Но это только кажется, потому что наши родители уже в значительной степени определяют наши поступки, привычки, склонности. И с этой стороны можно в какой-то степени говорить о заранее предопределенном будущем каждого человека. Ведь встав на дорогу жизни и сказав «А», приходится часто говорить «Б»... и так до самого «Я». Каждый из наших поступков определяет последующие на долгие годы, а то и на всю жизнь.

«Чтобы быть работягой, образование не нужно, сынок», - эту фразу своего отца Виктор запомнил твердо, как и ненависть к спиртному, коим его отец слишком уж увлекался. Он еле дотянул до окончания девятого класса. Высокий, красивый светловолосый парень занятия в классах практически не посещал. Уроки он отсиживал в школьном вестибюле на лавочках.

Нет, никому из учителей он не хамил, не грубил, но и в учебники не заглядывал. Получал «щадящие» троечки, перекатывался из класса в класс. С одноклассниками вел себя подчас снисходительно, как человек, познавший нечто, недоступное другим. Мог подойти к своему товарищу, похлопать его по плечу и сказать: «Учись, мой хороший, а мне это не нужно». И такое отношение к учебе можно было понять, если бы он посвящал это время чему-то действительно ему нужному. Но, к сожалению, в его жизни ничего не было, кроме анаши.

Виктор, как говорится, по жизни был индифферентным человеком. Его не интересовали ни кружки, ни секции. Его не интересовал даже он сам. Он был честным до конца в своем безразличии, но не терял надежды, что все будет нормально. А родители жили своей неуклюжей жизнью, и в дела своего сына не вникали.

После окончания девятого класса Виктор поступил на работу в НГДУ. Но если школьная «лавочка» была хоть какой-то отдушиной от семейных неурядиц, то на рабочем месте надо дело делать, а не «витать в облаках». Виктор понял, что совершил ошибку и, чтобы уйти от всех накопившихся проблем, курение анаши сменил на «баловство» более сильной «ханкой». Нашлись люди, научили.

Полтора года пролетели в ежедневных вечерних уколах. Но как-то под рукой не оказалось дозы, и Виктора скрутило. Да так, что пришлось обратиться к наркологу. Узнали родители. Дома состоялся грандиозный скандал. Отец ненавидел наркоманов всем сердцем. Он считал, что лучше пить, чем колоться. Но Виктор уже не мог остановиться.

А тут его родители получили новую квартиру в одиннадцатом микрорайоне, и конфликт на время затих. Виктор - человек компанейский. Он быстро нашел себе друзей в своем, да соседнем подъезде: Алешу и Вадима. Сошлись отчасти на общем увлечении наркотиками. Этот

период совпал и с тем, что Виктор стал работать на ЦДНГ слесарем-ремонтником.

На работу он не опаздывал, выполнял все, что говорил мастер. Но только требовалось ему для хорошего настроения уколоться. Принимаемые дозы возросли и участились. Зарплаты катастрофически не хватало.

Друзья приглядели квартиру. Далеко не искали - на своей лестничной площадке.

13 июня 1996 года тройка друзей, где самым старшим был Виктор (Алеша и Валера учились в восьмом классе), взломала двери намеченной квартиры и похитила имущества на общую сумму 7 млн. рублей. Чтобы «обмыть» дело, захватили имевшееся спиртное и рюмки. Но этого показалось мало. Ребята решили «побузить». Они еще на полтора миллиона напакостили в ограбленной квартире и, в довершение ко всему, нарисовали белой краской на стене звезду внутри круга и написали: «смерть евреям».

Кража была раскрыта. В конце осени прошлого года Алеша, имевший условную судимость, получил реальные три года колонии общего режима. Виктор и Валера получили условные сроки наказания.

Вот вроде бы и все. Пожурили ребят немного. Валера из протоколов исчез. Виктор не сумел извлечь урока на будущее, а, может, он просто не мог остановиться. Зависимость от укола слишком изменила его. Он стал плохо соображать. Наркотики требовали все больше и больше денег, а абстиненция все чаще стала его навещать. Жизнь на уровне животных инстинктов. Выхода нет. Боль он гасил таблетками, но и на их приобретение тоже нужны были деньги. И Виктор решил ограбить аптечный киоск.

В середине марта этого года Виктор посреди ночи снял металлический лист, прикрывавший витрины киоска, ломиком сорвал решетку, разбил стекло и залез внутрь. Хватал все подряд, торопился. Рассматривал украденные лекарственные препараты уже в соседнем с городским

рынком доме. Часть сразу проглотил, чтобы снять боль. Часть рассовал по карманам. Остальное - просто выбросил.

А дальше пошло, поехало...

И вот во второй половине мая произошло то, что в народе называют «сколько веревочке ни виться, а конец всегда будет». Квартира дома 129 по улице Ленина и стала тем самым концом. Расположена она была над квартирой его знакомого и то, что хозяйка уехала в отпуск, Виктор хорошо знал. С помощью монтировки, отвертки и ножа он взломал две входные двери и похитил имущества в общей сложности на 18 миллионов рублей.

13 августа 1997 года состоялось заседание суда, где Виктор получил наказание в виде почти четырех лет лишения свободы в колонии общего режима. Но и это еще не все. Он заболел опиумной наркоманией II степени, а радикальных методов лечения этого заболевания в настоящее время нет. Предплечья его исчерчены множеством следов от старых инъекций, так называемых дорожек. Периферические вены склерозированы (т.е. стенки утончились). А в довершение всему - двусторонний туберкулез обоих легких. И все одно к одному. И беспросветная мгла впереди. А Виктору всего девятнадцать лет. Жизнь по большому счету еще и не начиналась.

За все надо платить, говорят. И плата, которую внес Виктор, довольно высока и даже жестока. А может ли он, воспитанный на примере своего отца, что-то переменить в своей жизни? Можно ли сойти с «кривой дорожки» парню, который для себя так необдуманно все решил, который ничего больше не умеет, кроме как вскрывать двери квартир и составлять дозу. Зона - это не вуз, там изучают другие предметы. Он выйдет через годы еще более «грамотный»... И остается только надежда. Слепая вера в лучшее.

Декабрь 1997